

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.2.12>

Хазанкович Юлия Геннадьевна

Мифологический код в поэме Георгия Поротова "Крылатый Кутх, или Песнь о любви"

В статье выявляется специфика мифологического кода, который применяется в рамках структурно-семантического и мифопоэтического анализа поэмы Г. Поротова. Предмет научного рассмотрения - мифологический сюжет о сватовстве творца Камчатки - Большого Ворона-Кутха. В результате исследования было выявлено, что автор трансформирует мифологический код и создает романтическую историю любви, сознательно отказавшись от интерпретации данных образов в жанровых традициях палеоазиатских мифов-сказок и "мифологических анекдотов" о сватовстве Большого Ворона.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/2/12.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 2. С. 57-60. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82.512.157.09

Дата поступления рукописи: 30.09.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.2.12>

В статье выявляется специфика мифологического кода, который применяется в рамках структурно-семантического и мифопоэтического анализа поэмы Г. Поротова. Предмет научного рассмотрения – мифологический сюжет о сватовстве творца Камчатки – Большого Ворона-Кутха. В результате исследования было выявлено, что автор трансформирует мифологический код и создает романтическую историю любви, сознательно отказавшись от интерпретации данных образов в жанровых традициях палеоазиатских мифов-сказок и «мифологических анекдотов» о сватовстве Большого Ворона.

Ключевые слова и фразы: ительменская литература; ительменская мифология; ительменская поэзия; Георгий Поротов; Ворон-Кутх; мифологический код; сюжет о сватовстве; ительменская картина мира.

Хазанкович Юлия Геннадьевна, д. филол. н., доцент

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, г. Якутск

hazankovich33@mail.ru

Мифологический код в поэме Георгия Поротова «Крылатый Кутх, или Песнь о любви»

Актуальность предложенного материала определена важностью сохранения и изучения на современном этапе ительменской мифологии и художественного наследия ительменских писателей. Это обусловлено объективной причиной: коренной народ Камчатки (ительмены) в первой трети XXI века находится на грани исчезновения, более того, знатоков и носителей традиционной культуры осталось совсем немного. Георгий Поротов – знаток и хранитель ительменского фольклора, посредством слова литературного популяризирует наследие предков. Его обращение в художественном тексте к архетипическим сюжетам, образам, мотивам палеоазиатского мифологического эпоса, являющегося основой Вороньего цикла, стимулирует читательский интерес к своей литературе и расширяет кругозор инонационального читателя, открывающего для себя аутентичные литературы народов России. Художественная рецепция Г. Поротова мифологических сюжетов о Большом Вороне-Кутхе также будет полезным объектом для исследователей малоизвестных и слабоизученных ительменского фольклора и литературы, потому что это позволяет исследовать культурный контекст и реконструировать утраты, связанные с традиционным знанием и практикой. Мы полностью разделяем мнение одного из авторитетных исследователей фольклорного наследия палеоазиатских народов Камчатки Т. Головановой о том, что «традиционная культура ительменов оказалась на грани исчезновения... хранители традиционной культуры – очень преклонного возраста и реальна опасность, что бытование ительменского фольклора в устной традиции будет утрачено...» [1, с. 3].

Литература ительменов в целом, равно как и само творчество ее классика – Г. Поротова, практически неизвестна русскоязычному читателю в России. Между тем литература ительменов – палеоазиатского народа, живущего на Камчатке и насчитывающего чуть более трех тысяч человек, существует, несмотря на то, что ительменка Т. Заочная высказалась весьма провокационно, но определенно: «Ительменской литературы практически нет. Есть несколько совсем маленьких книжек с ительменскими сказками, стихами по мотивам ительменских преданий...» [2, с. 129]. Тем не менее ительменская литература как феномен литератур народов России существует. Подтверждение тому – выход сборника критики и литературоведческих исследований в 2011 году. Под патронатом газеты «Литературная Россия» и ее главного редактора В. Огрызко увидела свет книга «Ительменская литература» [3], в которой представлены очерки об ительменской литературе и художественном мире Г. Поротова в частности.

В рамках нашего исследования мы впервые предлагаем выявить мифологический код в поэме Г. Поротова «Крылатый Кутх, или Песнь о любви». И это **цель** нашего исследования. Подчеркнем, что поэма ранее не была объектом литературоведческой рефлексии и критики. В этом заключается **научная новизна** работы. Нивхский прозаик Владимир Санги, автор эпической поэмы «Человек Ых-мифа», высказался как знаток эпического фольклора палеоазиатцев: «...от ительменской песни-ходилы, от сказаний и легенд, сохраненных в памяти народной, сложилась поэма... Затерялись в древности имена сочинителей-рунопевцев “Калевалы”, не слышны больше гусли, восхваляющие ратные деяния полка Игорева... А сказание Георгия Поротова “Ое” возникло в наши дни» [Там же, с. 135]. Ительменский прозаик Наталья Селиванова также обратила внимание на первый одноименный сборник Поротова «Ое», отметив, что он «стал примером обогащения фольклорных мотивов... Именно из фольклора, из этой колыбели многих литератур малых народностей вышли первые литераторы народностей Камчатки. Мифы, предания, песни, пословицы и поговорки, сказки – лирические, героические, фантастические, обрядовые, бытовые, они щедро одаривали тех, кто использовал их как источник для познания истории, психологии, труда своего народа» [Там же, с. 152]. Один из немногих литературоведов – Г. Ионин – обращается к образу Кутха в прозе Г. Поротова и подчеркивает, что Ворон-Кутх «стал чуть ли не единственным героем ительменских сказок... и стал образом широким, воплотил в себя особенно важные и колоритные проявления национального характера, “тайну национальности”»,

приоткрытую не только в поступках героя», но в «тональности, в отношении народа к своему сказочному герою-божеству...» [Там же, с. 169]. Структурно-семантический и мифопоэтический анализ поэмы, на наш взгляд, открывает глубины ее содержания и позволяет выявить специфику аутентичного художественного мышления писателя – представителя аборигенного населения Камчатки.

Но прежде следует прояснить, что такое мифологический код. Культурологи дают определение мифологическому коду как «вторичной знаковой системе, которая использует разные формальные и материальные средства для кодирования одного и того же содержания, сводимого в целом к “картине мира” и мировоззрению данного социума...» [10, с. 7]. Мифологический код обозначен К. Леви-Строссом как «система функций, определенных мифом для присущих ему особенностей» [5, с. 189]. Он выделяет в мифе суть, арматуру, некий набор особенностей и ядерное сообщение-содержание, которое может быть передано различными кодами. Любая культура представляет собой «иерархическую систему различных кодов», которые, по мнению Н. Толстого и С. Толстой, характеризуют отношения человека и мира [10, с. 7]. Отсюда следует сформулировать одну из важных задач нашего исследования – рассмотрение образа Ворона как орнитологического кода, посредством которого автор передает представления о мире, времени и пространстве ительменов.

Предметный интерес к поэме Г. Поротова определен тем, что она не являет собой образец вторичной фольклоризации текста. По своей структуре и стилю произведение не является стилизацией и не повторяет устнопоэтические образцы. Но между тем автор обращается к традиционным сюжетам и образам ительменского мифологического эпоса о Вороне-Кутхе и его жене Миты, кардинально трансформирует их и создает, по сути, романтическую историю любви, сознательно отказавшись от интерпретации данных образов в жанровых традициях палеоазиатских мифов-сказок и «мифологических анекдотов» о сватовстве Большого Ворона [6]. Применяемый в нашем исследовании сравнительно-типологический, мифопоэтический и структурно-семантический анализ позволяет декодировать в авторском тексте значение мифологических образов в контексте коллективного культурного прошлого ительменов.

Практическое применение результатов исследования возможно в их методической адаптации для внеклассного чтения, литературных факультативов и кружков в школе. Полученные результаты могут быть базовыми для разработки методических рекомендаций для студентов-филологов по спецкурсу. Материал может быть основой при подготовке рефератов и курсовых проектов в сравнительно-типологических исследованиях ительменской литературы.

Литература ительменов относится к так называемым новописьменным литературам, ведь алфавита ительменского языка не было до начала 1980-х годов, а вместе с ним и литературы на родном языке. Между тем ительменская литература на русском языке была и развивалась наряду с литературой других палеоазиатских народов макрорегиона – коряков, чукчей, юкагиров и нивхов. И в этой связи художественную специфику произведений Г. Поротова следует рассматривать как в контексте русскоязычной литературы Камчатки, так и литературы, созданной на родном языке. Очевидно, объединяющим для русскоязычных писательниц-ительменок Нэли Суздаловой, Татьяны Гуторовой и Клавдии Халоймовой, автора первой книги на ительменском языке, стало обращение к фольклору и мифологии своего народа – «большого любителя пения, рассказов о Кутхе, плясок-танцев, комедий, подражаний ветру, птицам...» [3, с. 130].

Один из первых исследователей камчадалов С. Крашенинников отмечал: «Камчадалы на сказки такие мастера, как древние греки. Этот народ обладает большими музыкальными способностями» [4]. Поэма Г. Поротова «Крылатый Кутх, или Песнь о любви» свидетельствует, что тяготение к сказке нашло отражение в авторском творчестве ительменов, определило специфику его содержания. Более того, поэма – это возвращение сородичам почти утраченного устнопоэтического сюжета. Автор нередко подчеркивал, что «стремление “облагородить” фольклорную форму ведет к выхолащиванию народного творчества» [Цит. по: 9, с. 159]. В контексте этого высказывания чрезвычайно интересно обратиться к тексту самой ительменской поэмы.

Мифологическое в поэме Г. Поротова, на наш взгляд, изначально важно выявить, осмыслить на сюжетном и образном уровнях. Так, сюжет поэмы восходит к брачной теме ительменских мифов-сказок, посвященных Ворону-Кутху и его жене Миты. На материале поэмы интересно исследовать проекцию мифологического в пространстве художественного текста современного ительменского писателя.

В поэме Г. Поротов сохраняет традиционный зачин ительменских мифов-сказок, вводит читателя в атмосферу эпического пространства и времени: *Когда это было – / Не знает никто, / Но люди сложили / Легенды про то, / Как в давнюю пору / На горные кручи / Из бурного моря / На крыльях могучих / Кутх прилетел* [8, с. 191].

Заметим, что Е. Мелетинский, обращаясь к палеоазиатскому мифологическому эпосу, подчеркивал мифологическую составляющую в ительменских сказках, которая проявляется в отнесении действия к мифическим временам. Мифы-сказки ительменов и коряков начинаются обычно словами: «Это было время, когда жил творец...» и содержат «реликты мифов творения» [6, с. 37]. Более того, в ранних образцах мифологических сюжетов Ворон предстает как герой-демиург, культурный герой, затем появляется образ Воронатристера. Поздние варианты уже содержат образ ничтожного «человека-ворона», но сюжет и герои не утрачивают мифологической семантики. Следует отметить, что процитированный отрывок на содержательно-семантическом уровне насыщен мифологической символикой: это и неопределенность времени, которое восходит к временам первотворения, это и пространство, маркированное передвижением героя, – «из бурного моря на горные кручи».

Движение героя к берегу, на наш взгляд, имеет мифологическую кодировку: согласно мифологической традиции ительменов, движение Кутха в том или ином направлении указывает на определенное время суток. Так, в ительменских заговорах и мифах-сказках о сватовстве Ворона «движение персонажа на рассвете коррелирует с направлением в сторону морского берега» [1, с. 11]. Его движение с моря к берегу, с неба на землю, обретение им жены мыслятся в первичной культуре ительменов как обретение своего пространства, своей земли. Странствование Кутха по Камчатке сближает мифологического ворона с образами культурных героев [6, с. 35]. Опора на мифологический сюжет ительменских сказок-мифов ощутима в заключительных словах поэмы: *Дай руку мне, Миты, / Пойдем вглубь страны, / Еще не открытой, / Но юной, как мы* [8, с. 198].

Согласно мифологическим представлениям ительменов, Кутх за невестой-женой Миты, дочерью орла, сошел с неба в море. У Г. Поротова в начале поэмы Кутх сходит с небесных круч с целью спасения просватанной невесты. Брачная тематика в поэзии Г. Поротова обусловлена содержанием самого мифологического эпоса ительменов: на Камчатке с образом Ворона-Кутха бытует много брачно-эротических историй. Сватовству и семейной жизни Ворона в ительмено-корякском фольклоре «уделяется много места» [6, с. 40]. В мифах палеоазиатских народов брачная тема посвящена неудачным попыткам изменения Миты [Там же, с. 59] и носит этнолатинский характер. Брак в мифологической эпике мыслится как первый союз мужского и женского, который дал жизнь ительменам на Камчатке. Поэтому брак Кутха и Миты воспринимается камчадалами как источник жизни. Обозначенная мифосемантика эпического брака прослеживается и у Г. Поротова: женщина воспринимается как продолжательница рода, «ядро» жизненного цикла ительменского рода: *Ты сильный и смелый, / Крылатый мой друг! // Я – девушка. Нежной / на свет рождена. // Красивой должна быть, / Тонка и стройна. // Ведь женщина – мама, / Великий творец: / В ней жизни начало, / В ней – жизни конец* [8, с. 198]...

Сказочная коллизия ительменских мифов связана с угрозой брака Кутха и соперничеством с чудовищем. Заметим, сюжет поэмы, на наш взгляд, представляет собой контаминацию ряда сюжетов ительменских мифов-сказок о сватовстве Ворона, его потомках, женихе-сопернике – боге племени Аммеха. Отметим, что в ительменских сказках о сватовстве, где главными героями оказывается не Кутх, а его дети, появляются образы посредника и соперника. У Г. Поротова этот мотив перенесен в повествование о самом Вороне: бог племени Аммех, вопреки воле невесты и приемного отца, пытается девушку сосватать, и это заставляет Кутха и Миты бежать. Побег героев, их чудесное спасение придадут поэме романтичность. Такаявольная интерпретация инвариантного сюжета ительменских мифов-сказок обусловлена во многом самим образом мифологического Кутха. По словам Е. М. Мелетинского, ительмены хотя считали Кутха богом, но при этом «к нему не обращались с просьбами. Они не относились к нему почтительно, не воздавали похвалу и нередко описывали его весьма непристойно» [6, с. 35]. В противовес описанию «непристойного» Ворона и его трикстерских поступков, столь характерных для мифологического эпоса палеоазиатов, ительменский поэт романтизирует образ в поэме. Романтическое ядро проявляется у Г. Поротова введением в поэму сновидений Ворона и Миты. Отметим, что мотив погружения в сон довольно часто встречается в ительменских мифах-сказках о Вороне. Его семантика очевидна: переход из одного мира в другой. В русской и европейской литературных традициях мотив сна тоже весьма устойчив и мыслится как «ступень жизни в невидимом» [11]. В поэме сновидения героев выступают как сонреальность, сон-жизнь, сон-переход от смерти к жизни. Введение снов в текст ительменской поэмы – композиционный прием, благодаря которому расширяется пространство видимой реальности. Концовка у Г. Поротова также носит традиционный характер: брак, по представлениям ительменов, носит исцеляющую и возвращающую к жизни силу, а при воссоединении с женой герой обретает в мифах-сказках особую силу.

Исследование проблемы мифологического кода в поэме Г. Поротова «Крылатый Кутх, или Песнь о любви» позволило сделать **вывод**, что обращение автора к ительменской мифологии активирует на бессознательном уровне этногенетическую память носителей ительменской культуры, тем самым способствует ее актуализации и возрождению в реалиях повседневности, открывая перспективы для ее междисциплинарного изучения. Ительменский автор при выявлении мифологического кода, прежде всего, обращается к мифологической интерпретации мотива удачно завершеного брачного испытания героя. На наш взгляд, это своего рода инициация с проникновением избранного жениха в пространство иного (морского) мира за невестой, ее освобождение из обители злого мифологического персонажа Аммеха. И это позволяет главному герою не только обрести женщину как особую ценность в патриархально-родовом обществе, но и возвращает ему силу. Раскодировка мифологической составляющей поэмы Поротова посредством структурно-семантического и мифопоэтического анализа позволила сделать вывод, что автору удалось запечатлеть ительменскую картину мира. Исследование мифологического сюжета о сватовстве творца Камчатки – Большого Ворона-Кутха дало нам возможность выявить орнитологический код в художественном тексте, который является базовым для мифологии аборигенов Камчатки и неплохо изучен фольклористами [1]. В рамках исследования мы констатируем, что «птичий» код совершенно не исследован на материале художественных текстов аборигенных писателей, художественное мышление которых не утратило мифологичности. Изучение мифологического кода в поэме Г. Поротова позволило нам также сделать вывод, что авторский текст не являет собой образец вторичной фольклоризации. По своей структуре и стилю поэма «Крылатый Кутх, или Песнь о любви» не повторяет устнопоэтические образцы. Но между тем автор обращается к традиционным сюжетам и образам ительменского мифологического эпоса о Вороне и его жене Миты, кардинально трансформирует их и создает, по сути, романтическую историю любви, сознательно отказавшись при этом от интерпретации данных образов в жанровых традициях палеоазиатских мифов-сказок и «мифологических анекдотов» о сватовстве Большого Ворона (по Е. Мелетинскому). Поэма «Крылатый Кутх,

или Песнь о любви», равно как и другие произведения Г. Поротова, где главным героем оказывается Кутх («Кутха и мыши», «Как Кутха на горбушах катался», «Крылатый Кутх», «Как Кутха заставил Миты труд по-любить», «Как Кутха Эмемкута пугал» и др.), насыщена мифологическим дискурсом, который может быть предметом изучения в дальнейшем.

Список источников

1. Голованева Т. Воплощение представлений о браке в повествовательном фольклоре коренных народов Камчатки: автореф. дисс. ... к. филол. н. Улан-Удэ, 2005. 29 с.
2. Заочная Т. Потерявшее время счет // Ительменская литература: материалы и исследования: сборник / сост. В. Огрызко. М.: Литературная Россия, 2011. С. 129-133.
3. Ительменская литература: материалы и исследования: сборник / сост. В. Огрызко. М.: Литературная Россия, 2011. 413 с.
4. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. Том второй [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rgo-sib.ru/book/geo/59.htm> (дата обращения: 15.02.2019).
5. Леви-Стросс К. Структура мифов // Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1985. С. 183-208.
6. Мелетинский Е. М. Палеоазиатский мифологический эпос. Цикл Ворона. М.: Наука, 1979. 230 с.
7. Неклюдов С. Ю. Структура и функция мифа // Современная российская мифология: сб. ст. / сост. М. В. Ахметова. М.: РГГУ, 2005. С. 9-26.
8. Поротов Г. Крылатый Кутх, или Песнь о любви // Поротов Г. Сочинения: в 2-х т. Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2003. Т. 1. С. 192-205.
9. Селиванова Н. Он мастер песни петь // Ительменская литература: материалы и исследования: сборник / сост. В. Огрызко. М.: Литературная Россия, 2011. С. 150-169.
10. Толстой Н. И., Толстая С. М. О словаре «Славянские древности» // Славянские древности: в 5-ти т. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 5-14.
11. Флоренский П. А. Иконостас [Электронный ресурс]. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/florensk/floren02.htm> (дата обращения: 10.02.2019).
12. Цивьян Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира. М.: Наука, 1990. 207 с.
13. Bloch M. The past and the present in the present // *Man*. 1977. Vol. 12. № 2. P. 278-292.
14. Eggers H. J. Einführung in die Vorgeschichte. München: Piper, 1959. 317 S.
15. Fabian J. Time and the Other. N. Y.: Columbia University Press, 2002. 205 p.
16. Gould St. J. Time's arrow, time's cycle: Myth and metaphor in the discovery of geological time. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1987. 222 p.
17. Hall E. T. The hidden dimensions of time and space in today's world // *Cross-cultural perspectives in nonverbal communication*. Toronto – Lewiston – N. Y.: Hogrefe, 1988. P. 145-152.
18. Hertz R. Death and the Right Hand. N. Y.: Cohen & West, 1960. 39 p.
19. Jochelson W. The Koryak. Leiden – N. Y.: E.J. Brill, Ltd., 1908. 830 p.

Mythological Code in the Poem “The Winged Kutkh, or the Chant of Love” by Georgy Porotov

Khazankovich Yuliya Gennad'evna, Doctor in Philology, Associate Professor

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk

khazankovich33@mail.ru

The article reveals specificity of a mythological code identified in the process of the structural-semantic and mytho-poetic analysis of G. Porotov's poem. The subject of the research is a mythological story about matchmaking of the Kamchatka creator – Big Raven-Kutkh. The conducted research allows concluding that the author transforms the mythological code and creates a romantic love story deliberately refusing to interpret these images within the genre traditions of the Paleo-Asian myths-tales and “mythological anecdotes” about matchmaking of Big Raven.

Key words and phrases: Itelmen literature; Itelmen mythology; Itelmen poetry; Georgy Porotov; Raven-Kutkh; mythological code; story about matchmaking; Itelmen worldview.